Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 4, pp. 646–655, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

Боевые действия калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в 1675 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев[1]

[1]Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Тепкеев В. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются обстоятельства участия калмыцкой конницы в Крымском походе 1675 г. *Целью* исследования является введение в научный оборот новых источников по истории военного дела калмыков, а также по истории русско-калмыцких отношений XVII в., а именно — участия калмыцкой конницы в Крымском походе Каспулата Муцаловича Черкасского 1675 г. Основным *материалом* для данной работы послужили документы фонда 115 («Кабардинские дела») Российского государственного архива древних актов. *Результаты.* В статье последовательно показаны процессы мобилизации русско-калмыцкого войска, опубликованы сведения очевидцев о боевых действиях калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в сентябре 1675 г. *Выводы.* Крымский поход Каспулата Черкасского в 1675 г. кардинально не переломил положение в противостоянии Москвы и Крыма, но произвел большой военно-политический эффект, так как это был первый случай, когда «государевы ратные люди» при поддержке калмыков и запорожских казаков достигли крымского полуострова и нанесли противнику ощутимый материальный и людской урон; главной ударной силой объединенного войска были калмыки и запорожские казаки с походной артиллерией; Крымское ханство было уязвимо для ударов мобильной, хорошо вооруженной конницы, но неудачная мобилизация русского войска, отсутствие в составе русской армии массовой легкой кавалерии не позволили организовать полноценный военный поход на территорию Крыма.

Ключевые слова: Крымское ханство, русско-калмыцкие отношения, русско-турецкая война, калмыки, К. М. Черкасский, Аюка

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Боевые действия калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в 1675 г. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 646–655. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

The Military Actions of the Kalmyk Cavalry on the Crimean Khanate Territory in 1675

Vladimir T. Tepkeev[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Tepkeev V. T., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines the circumstances of the participation of the Kalmyk cavalry in the Crimean campaign of 1675. The *purpose* of the study is to introduce new sources on the history of military affairs of the Kalmyks in the scientific circulation, as well as on the history of the Russian-Kalmyk relations of the 17th century, namely, the participation of the Kalmyk cavalry in the Crimean campaign of Kaspulat Mutzalovich Cherkassky in 1675. The main material for this research was the materials of the Collection 115 ("The Kabardian Affairs") in the Russian State Archive of Ancient Acts. *Results*. The article consistently shows the mobilization processes of the Russian-Kalmyk army, published eyewitness' information about the fighting of the Kalmyk cavalry on the Crimean Khanate territory in September 1675. *Conclusions*. The Crimean campaign of Kaspulat Cherkassky in 1675 did not radically change the situation in the confrontation between Moscow and the Crimea, but made the great military and political effect, since this was the first time when "sovereign military men" with the support of Kalmyks and Zaporozhye Cossacks reached the Crimean peninsula and inflicted tangible material and human damage on the enemy. Kalmyks and Zaporozhian Cossacks with marching artillery were the main striking force of the combined army; the Crimean Khanate was vulnerable to attacks by mobile well-armed cavalry. But the unsuccessful mobilization of the Russian army, the absence of mass light cavalry in the Russian army did not allow organizing a full-fledged military campaign on the Crimea territory.
Keywords: Crimean Khanate, Russian-Kalmyk relations, Russian-Turkish war, Kalmyks, K. M. Cherkassky, Ayuka
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups".
For citation: Tepkeev V. T. The Military Actions of the Kalmyk Cavalry on the Crimean Khanate Territory in 1675. *Mongolian Studies (Elista).* 2024; 16(4): 646–655. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

1. Введение

После заключения между Россией и Польшей Андрусовского мирного договора в 1667 г. в Европе была зафиксирована новая расстановка сил. Раздел Украины между Москвой и Польшей никак не отвечал интересам Турции и Крыма, которые также претендовали на этот регион. Все это не могло не привести к дальнейшему военному столкновению. Закончив в 1669 г. войну с Венецией, Турция немедленно вмешалась в украинские дела, поддержав в гражданской войне гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко. В 1672 г. был подписан Московский II договор, по которому Россия обязывалась оказать военную помощь вчерашнему противнику Польше, но уже в войне против Турции и Крыма.

Целью данной работы является введение в научный оборот новых источников по истории военного дела калмыков, а также по истории русско-калмыцких

отношений XVII в., а именно – участие калмыцкой конницы в Крымском походе Каспулата Муцаловича Черкасского 1675 г. Событие это довольно малоизвестное в историографии, хотя в разные годы выходило ряд работ по данной теме [Посольские 2024; Максимов 1993; Тепкеев 2018; Фаизов 1993].

2. Материалы и методы

Важным источником к данной работе стало дело из фонда 115 («Кабардинские дела») под названием «Книга, содержащая приезды в Москву от князя Каспулата Черкаскаго …» Российского государственного архива древних актов [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1]. Здесь содержатся материалы устных и письменных сообщений кабардинского князя в Посольский приказ, доставленных его людьми, узденями или лично от самого князя. Особенно большую ценность для нас представляют его сведения о мобилизации и боевых действиях калмыцкой конницы против турецких и крымских сил в 1675 г. В фонде также представлены показания пленных крымских татар, очевидцев крымского похода К. М. Черкасского, данные ими в Москве. Ранее этот материал не вводился в научный оборот в том виде, в каком он представлен в данной статье. В дальнейшем эта тема требует более глубокого исследования на основе новых архивных источников. Достоверность этих сведений проверялась методом выявления происхождения источников, их сравнения и сопоставления с другими данными, содержащими сходную информацию.

3. Подготовка к походу

В начале 1675 г. 30-тысячная крымскотатарская конница под началом хана Селим-Гирея I вторглась на Украину, взяла в осаду Чигирин и двинулась далее на Польшу. Создалась ситуация, когда непосредственно само ханство оказалось малозащищенным, чем не могло не воспользоваться московское правительство. Намечалось наступление русской армии на Крым, но в силу ее малой мобильности было решено привлечь для наступления легкую иррегулярную конницу, которую должны были составить в первую очередь казаки и калмыки. Такой план вполне вдохновил калмыцкого правителя Аюку, и поначалу он вызвался лично возглавить калмыцкое войско, если многочисленная русская армия выступит на Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 19–20, 24, 47].

С этой целью весной в 1675 г. в калмыцкие улусы срочно был отправлен царский представитель — стряпчий Кузьма Козлов, который на переговорах с Аюкой и другими тайшами заручился их поддержкой. Организация похода возлагалась на князя Каспулата Муцаловича Черкасского, имевшего довольно тесные отношения с Аюкой и боевой опыт при проведении подобных военных мероприятий. К. Козлов обнадежил Аюку тем, что русское войско будет состоять из 50 тыс. человек, куда войдут астраханские, терские, уфимские, донские отряды, а также ногайские и акинские мирзы.

Аюка, ранее изъявлявший желание лично принять участие в крымском походе, отказ свой мотивировал возникшей угрозой его улусам: *черные калмыки с ним не в миру, и опасен приходу их на свои улусы* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 64]. Вызвано это было, скорее всего, его разочарованием малочисленностью

русского войска, так как ранее на русско-калмыцких переговорах озвучивалась цифра в 50-тысячную армию. Руководство 10-тысячным калмыцким войском в походе Аюка возложил на своего младшего брата Ике-Замсу и дербетского Солом-Церена. Последний под предлогом болезни также отказался от участия, направив вместо себя сына Менке-Темира. С 15 по 20 августа калмыцкие отряды из улусов стали стекаться к Волге и переплавляться, двигаясь к реке Сал для сбора. В авангарде этого движения находился отряд из 100 человек под началом известного Мазан-Батура [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 36–37, 64].

При планировании похода К. М. Черкасский рассчитывал на быстрый конный переход к территории Крымского ханства, путь к которому мог занимать около 25 дней. Для этого он даже оставил в Царицыне полевую артиллерию, которая могла значительно замедлить движение войска. В письменных реляциях в Москву он беспокоился за недостаточное военное обеспечение, прося выделить в дополнение к уже имевшимся запасам еще 40 пудов пороха и свинца, мотивировав это тем, что у тайши Аюки имеются 2 тыс. человек с «огненным боем». Поскольку подготовка к военному походу шла в тайне, князь запретил своим подчиненным о нем распространяться местному населению [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 38, 65; РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 122об., 124об.].

Однако ранее объявленная информация о численности русской армии в 50 тыс. человек не получила подтверждение, а отряд К. М. Черкасского насчитывал всего 740 человек, который 23 августа вышел из Царицына. Причиной такой малочисленности русского войска стали массовая неявка «государевых людей» на службу, дезертирство, отсутствие или недостаточное обеспечение конским составом и другие обстоятельства. Сбор русско-калмыцкого войска намечался на реке Сал, левом притоке Дона. Однако калмыцкие тайши, разочаровавшись «малолюдством» русского отряда, пересмотрели условия и своего участия в намечавшемся крымском походе. Ике-Замса и Менке-Темир со своими отрядами вернулись в улусы, а Мазан-Батур сформировал из оставшихся калмыков отборный отряд в 1 000 «пансырников». Об этом калмыцком тайше в письменных реляциях в Москву подчеркнуто сообщалось: *а Мазан Батыр — человек ратной и во всех улусах знатной промышленник* [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 244об.], *особой калмыцкой тайша* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 251].

4. Боевые действия в Крыму

О результатах крымского похода вскоре стали поступать сведения в Москву из разных источников. В октябре 1675 г. в Москву с вестью от князя К. М. Черкасского и воеводы И. Леонтьева о результатах крымского похода прибыл жилец Софрон Любавской. Из его слов известно, что русско-калмыцкое войско выдвинулось из Царицына в конце августа 1675 г. Двигаясь степью вдоль Северского Донца, войско достигло реки Молочные Воды. Поскольку в этом районе войско застиг сильный степной пожар, а также известие о бегстве из их войска в Крым некоего кумыка «о трех конех», человека К. М. Черкасского, общее командование приняло решение: так как они лишились фактора внезапности, то нужно все-таки идти в Запорожскую Сечь за содействием местных казаков. В Запорожье произошла знаковая встреча, когда К. М. Черкасский, Мазан-Батур

лично встретились с легендарным кошевым атаманом Иваном Серко и получили его поддержку: *видя их к себе приход, обрадовался и запорожцом всем, на коше будучим, велел в поход готовитца* [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 303об.].

На третий день объединенное войско выдвинулось из Сечи в сторону Перекопа. По данным Софрона Любавского, численность «государевых ратных людей», состоявших из астраханцев, уфимцев, терцев и окончан, составляло всего 240 человек. Калмыков было 1 000 человек. Запорожских казаков во главе с И. Серко числилось 2 500 человек с тремя полковыми пушками [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 303об.–304]. По мнению Н. Н. Максимова, численность объединенного русско-калмыцко-запорожского войска могла составлять в пределах 3–4 тыс. человек [Максимов 1993: 82–83].

Далее С. Любавский сообщает, что на четвертый день войско подошло к Перекопу, в район «Глиняного моря», которое еще называли «Чювашским», скорее всего, имелось в виду озеро Сиваш или «Гнилое море». На одном из его участков участники похода проложили себе путь на полуостров с помощью песка и камыша и таким образом сумели к Перекопу подойти с тыла. Здесь К. М. Черкасский и И. Леонтьев, оставив с собой небольшое количестве людей, направили основную часть войска, калмыков и запорожцев, *для промыслу над неприятели в дальные места*, т. е. в набег вглубь полуострова [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 304]. Далее С. Любавский сообщает следующие подробности этого набега:

> *И были де те посыльщики в самом Крыму, за Каменным мостом. И крымских татар побили, и конские животинные стада отогнали многие. А сел и деревень пожгли и попустошили во все стороны верст на 30 и больши. А позади де Старые Перекопи от тех мест, где стоял князь Каспулат Муцалович и стольник и воевода, в стороне верстах в 30 стоял для опасения приходу их в шатрах салтан, а с ним ханов сын и многие мурзы. А с ними ратных крымских людей немалое число. И калмыки де напав на них, ратных их людей побили и шатры и бунчюк взяли. А сам де салтан и мурзы ушли с небольшими людьми. И те де шатры и бунчюк ныне у калмыков.*
>
> *И как де того ж дни учали калмыки и черкасы из загонов ко князю Каспулату собиратца и переправливатца из-за Перекопи на свою сторону, и в Крыму почаяли, что за Перекопью остались небольшие люди. Собрався, крымские салтаны и знатные мурзы, а с ними татар с 600 человек пришли на князь Каспулата Муцаловича боем. И великого государя ратные люди учинили с ними бой и милостию де божиею и великого государя, его царского величества счастьем тех салтанов и мурз и татар побили, мало что не всех. И одного из них, мурзу Мансурова, взяли раненого. А великого государя из ратных людей не убит не един человек, только поранен один человек, уфинец. Да калмыков 12 человек, да уздень один человек пропали за Каменным мостом в загонех. А рускаго де полону отбились 300 человек и больши. Да ясырю крымского, малых робят, взяли с 400 человек, а больших де татар не имали, всех рубили* [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 304об.–305].

Из текста самой «отписки» К. М. Черкасского, которую доставил в Москву С. Любавский, нам известны некоторые другие подробности. Так, оказалось, что кумыкский перебежчик по имени Курман бежал из их войска в Крым ночью 12 сентября на трех лошадях. Поскольку их войско было по численности небольшим, командование приняло решение не рисковать и заручиться воен-

ной поддержкой запорожцев. Правда, К. М. Черкасский атамана Ивана Серко в своей отписке именует уже «запорожским гетманом». В отличие от сведений С. Любавского о численности русского отряда К. М. Черкасский называет другую цифру — 546 человек. На территорию Крыма объединенное войско вошло 23 сентября через Гнилое море и Перекоп [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 307об.–308об.]. Далее К. М. Черкасский сообщает следующие подробности:

И крымские люди, проведав про нас, холопей твоих, приход, поставили в Крыме на дву заставех крымских ратных людей. И за помощию божию […] мы, холопи твои, с ратными людми те две заставы збили и татар побили, и бунчюк и шатры взяли. И на том бою убито двенатцать человек калмык. И крымские улусы воевали, жгли и секли, и в полон имали. И мы, холопи твои, воевав в крымских улусех, пошли назад со всеми твоими великого государя ратными людьми. И как пришли к Перекопи, крымские ратные люди, собрався три салтана крымских, с крымскими ратными людьми пришли на нас, холопей твоих. И мы, холопи твои, с твоими великого государя ратными людьми бой с ними дали и их побили. Да на том же бою взяли Батыря мурзу Мансурова, да татарина раненых. И татарин от ран на дороге умер. Да на том же бою мой, холопа твоего, Каспулатков уздень Сетей убит. А твоих великого государя ратных людей никого не убито и в полон не взято [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 308–308об.].

О краткосрочности крымского похода говорит тот факт, что, как сообщает К. М. Черкасский, в Запорожье они вернулись уже 27 сентября. Захваченный в бою крымский бунчук и шатры не стали отправлять в Москву, так как калмыки Мазан-Батура оставили их у себя. 29 сентября из Сечи русско-калмыцкой войско двинулось в сторону Царицына [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 309–310].

Особый интерес, конечно, представляет текст документа допроса взятого в плен мирзы Батырши Мансурова, который был также отправлен К. М. Черкасским в Москву.

А в роспросе первой человек сказался, зовут ево Батыр мурза, Сытланов сын, Мансуров. Как де приходил князь Каспулат Муцалович Черкаской с товарыщи великого государя с ратными людьми на крымские улусы войною, и, проведав де про приход великого государя ратных людей, крымские три салтана — Изва Гирей, Умареск Гирей, Давлет Гирей — собрався с крымскими ратными людьми и он, Батыр мурза с ними ж, пришли против государских ратных людей и учинили будучи в Крыме с государскими людьми бой. И на том бою тех крымских ратных людей побили две заставы. И ево де Батыр мурзу взяли ранена.

Да он же в роспросе сказал. Как де ханов сын, Давлет Кирей, пришел в Крым из Чигирина от Дорошенка, а с ним де пришло крымских ратных людей четыре тысечи. А как де крымской хан пошел войною в Польшу, а после себя оставил в Крыму калгу Салтана.

Да он же в распросе сказал, как де пришел в Крым князь Каспулат Муцалович Черкаской с товарыщи, с ратными людьми, и в Крым прибежал к салтану калге с вестью кумыченин. А сказал, что идет де князь Каспулат Муцалович Черкаской с товарыщи, с ратными людьми, войною. А сказал тот кумыченин про тех ратных людей до приходу за три дни. И они де крымские люди, послыша великого государя ратных людей, многие розбежались улусные люди в городы и в крепкие места.

Да он же мурза сказал. А как де зберутца калга Салтан з большими ратными людьми к перекопи, и они де хотели послать ис тех людей в Чигирин к Дорошенку половину. А будет де зберутца небольшие люди, и они де посылать не хотели. А ныне де в Чигирине крымских ратных людей нет.

Да он же мурза сказал. Хан де крымской в польской земле взял тринатцать городов. А ис Крыму калга Салтан послал х крымскому хану для проведыванья, что будет ли хан в Крым зимовать или в Польше станет зимовать. И о том де от хана в Крым вести не бывало.

А ему, мурзе, про то все ведомо, что де он был с хановым сыном в Польше и в Чигирине. И ходили де они под Киев дважды и ничего де под Киевым не учинили. А про приход князя Каспулата Муцаловича Черкаского с товарыщи наперд сего послал калга Салтан х крымскому хану посыльщика. И тот де посыльщик при нем в Крым не бывал [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 310–311об.].

В ноябре 1675 г. в Посольский приказ прибыли посланники князя Айдемира Черкасского, участника крымского похода, которые привезли с собой два трофейных крымскотатарских шатра и пленного крымского татарина, захваченного в бою из отряда мирзы Батырши Мансурова. Пленником оказался «черный татарин» Деюлгендин, живущий недалеко от Перекопа, который находился на крымской заставе в отряде Батырши Мансурова. О вторжении русско-калмыцкого войска К. М. Черкасского на крымский полуостров он сообщил следующие подробности:

И как де приходил в Крым великого государя с ратными людьми князь Каспулат Муцалович Черкаской и с калмыки, и в Крыму села и деревни многие выжгли. И в то де время Батырша Мансуров, собрався с крымскими татары, выходил с тремя тысячи против государевых ратных людей. И у Соляного де моря учинился бой. И на том бою государевы ратные люди и калмыки крымских людей побили мало, не всех. А уходцов де в Крым, чает он, небольшое место. А он-де, Деюлгендин, взят на том бою. А взяли де ево Айдемиря мурзы Черкаского уздени. Да и мурзу де Батырша великого государя ратные люди в полон взяли ж. А о приходе де великого государя ратных людей дал в Крыму весть терской житель татарин же. А есть ли б де тот татарин вести не дал, тогда б де Крым был разорен, мало что не весь, потому что в Крыму хана в то время не было и приходу князь Каспулата Муцаловича в Крыму не чаяли, и опасения никакова не имели [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 404об.–405об.].

Четверо других пленных крымских татарина, Клыш Казыев, Копай Кутлумаметев, Молты Асанов, Еш Казыгласов, живших в деревнях, которые находились в 10-ти верстах от Перекопа, были захвачены калмыками по дороге, когда они направлялись на крымскую заставу. По их словам, крымский калга предпринял ряд действий, отправив войско под началом двух «начальных людей», чтобы выбить передовые отряды калмыков из деревень, которые они активно сжигали, убивая и захватывая в плен местных жителей.

А калга де в то время был в Ак-мечети, а ратных людей при нем не было, потому что все мурзы, и нурадын, и ратные люди были с ханом в польской земле. А в Крыму было малолюдно, всего з 10 000 человек. А как де у князь Каспулата Муцаловича был бой с крымскими людьми у Перекопи и з Батыршею де мурзою Мансуровым было

татар с 1 000 человек. А они де бежали к нему ж в полк. И Батыршу де мурзу князь Каспулат Муцалович взял в полон, а татар, которые с ним были, побил всех. А уходцов де в Крым, чают они, немного. А про приход де государевых ратных людей дал весть калге терской татарин. А да той вести про тот приход в Крыму было неведомо и опасения де никакова не имели. А есть ли б де с князь Каспулатом Муцаловичем были люди большие, то б де, чают они, что б Крым был разорен и до Бакчисарай и до самого моря. И отпору де дать было некому. А сел и деревень загоном калмыки и уздени в Крыму пожгли верст на тритцать и больши, да и те де деревни, где и они жили, выжжены ж. А ясырю де взято мужеского и женского полу, чают они, у калмык и руских людей с триста человек и больши. А про крымские де вести, тако ж и про польские, сказали ни про что не ведают, потому что де они с ханом и с мурзами в Украине и в польской земле в войне нигде не бывали, а жили в деревнях своих [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 406–407].

5. После похода

Опустошив близлежащую местность от Перекопа, командование объединенного войска приняло решение не наступать вглубь полуострова, а возвращаться в Запорожскую Сечь, поскольку собственных сил было мало и все еще существовала опасность возвращения основной крымской армии из Польши. На Украине этот поход возымел большой политический эффект. Так, атаман Иван Серко сообщал гетману Ивану Самойловичу об успехе крымского похода: *немалую часть неприятельскую, противу нас изготовившуюся, разбили, села их огнем попустошили, добычи их и самих их живьем в полон набрав, душ христианских немало свободили из неволи, а сами в целости своего войска безо всякого урону на кош пришли* [Акты 1882: 260].

Организованно отступив от Перекопа в сторону Сечи, К. М. Черкасский и воевода И. Леонтьев отправили с «отписками» своих представителей в Москву с извещением об успешном крымском походе. В состав делегации вошли, помимо Софрона Любавского, и 5 кабардинских узденей, 20 калмыков, 7 астраханских стрельцов и 5 гребенских казаков. Кошевой атаман Иван Серко также отправил своего представителя — полковника Лукьяна Андреева с 20 человек [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 305–305об.].

Русско-калмыцкое войско возвращалось на Дон, в Черкасск, той же дорогой, какой направлялось в Сечь. Пленного мирзу Батырши Мансурова решили не отправлять с делегацией в Москву, так как он был сильно ранен. К. М. Черкасский принял решение взять его с собой в Астрахань. На Запорожье остался только отряд донских казаков из 50-ти человек под командой атамана Флора Минаева, который также участвовал в крымском походе [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 306–306об.].

В составе общей делегации, отправленной в Москву, были и 20 калмыков под началом Буянчатая от тайши Мазан-Батура [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 309, 313]. В октябре 1675 г. она благополучно добралась до Москвы, и в благодарность за службу правительство пожаловало калмыкам по лисьей шапке и «портищу» сукна на человека [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 410].

Что касается судьбы пленного мирзы Мансурова, то он находился у калмыков Мазан-Батура, который категорически отказался отдавать его К. М. Черкасскому, желавшему отправить знатного пленника в Москву. Мирзу в дальнейшем кал-

мыки по инициативе крымской стороны обменяли на калмыков, захваченных в плен на территории Крымского полуострова во время их рейда. Позже Мансуров объявляется в турецком Азове, что подтверждает состоявшийся обмен. Действительно, пленных калмыков освободили и они оказались в Запорожской Сечи, откуда их доставили в Москву с последующей выдачей их калмыцким посланникам [Тепкеев 2018: 49].

6. Заключение

Крымский поход Каспулата Муцаловича Черкасского в 1675 г. кардинально не переломил положение в противостоянии Москвы и Крыма, но произвел большой военно-политический эффект, так как это был первый случай, когда «государевы ратные люди» при поддержке калмыков и запорожских казаков достигли Крымского полуострова и нанесли противнику ощутимый материальный и людской урон. В одной из грамот на имя царя руководитель Посольского приказа Артемон Сергеевич Матвеев отмечал: *а прежде сего никогда ваши государские ратные люди в Крым не хаживали, и славы в том походе такой имени вашему государскому не бывало* (цит. по: [Максимов 1993: 85]).

Сведения очевидцев показывают, что главной ударной силой объединенного войска были калмыки и запорожские казаки с походной артиллерией. «Государевы ратные люди» и донские казаки в основном составляли военный лагерь и прикрывали тыл наступавшим частям.

Подобные военные мероприятия показали, насколько уязвимо Крымское ханство для ударов мобильной, хорошо вооруженной конницы. Но неудачная мобилизация русского войска, отсутствие в составе русской армии массовой легкой кавалерии не позволили организовать полноценный военный поход на территорию Крыма. В следующий раз русская армия под командованием генерал-фельдмаршалов Х. А. Миниха и П. П. Ласси ворвется на территорию Крымского полуострова только в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., и в 1737 г. в ее рядах также будет находиться 4-тысячная калмыцкая конница.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

Акты 1882 — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12: 1675–1676. СПб., 1882. [6] с., 20, 874 стб., 15 с.

Максимов 1993 — *Максимов Н. Н.* Проект русского наступления на Крым в годы Польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов: Саратовск. ун-т, 1993. С. 66–76.

Посольские 2024 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг.: сб. док. / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.

Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Фаизов 1993 — *Фаизов С. Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов: Саратовск. ун-т, 1993. С. 98–116.

References

Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 12. 1675–1676. St. Petersburg, 1882. 15 p. (In Russ.)

Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Kalmyk Khanate. 1675–1677, 1683–1684. Collection of Documents. V. Tepkeev (comp., foreword). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2024. 372 p. (In Russ.)

Faizov S. F. Participation of Russia and the Crimean Khanate in the Polish-Turkish War of 1672–1676. *Slavic Collection*. No. 5. Saratov: Saratov University, 1993. Pp. 98–116. (In Russ.)

Maksimov N. N. Project for the Russian Offensive on Crimea during the Polish-Turkish War (1672–1676). *Slavic Collection*. No. 5. Saratov: Saratov University, 1993. Pp. 66–76. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Ayuka Khan and his Time. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)